

Гильфанова Гульнара Тавкильевна

ИОГАННЕС БОБРОВСКИЙ: "МЫШИНЫЙ ПРАЗДНИК"

В статье идет речь об одной из новелл Иоганнеса Бобровского, изображающих события периода фашизма и начала Второй мировой войны. Недоговоренность и одновременно смысловая насыщенность повествования произведения создают сложное его построение, несмотря на то что сюжет вообще отсутствует. Небольшой объем рассказа "Мышинный праздник", с одной стороны, и значительность предмета изображения - с другой, требуют от писателя полновесности каждого слова, выразительности каждого штриха. И. Бобровский не только скрупулезно отбирает детали, но и умело располагает их, соотнося друг с другом и со всем произведением в целом.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/7-3/3.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 7(61): в 3-х ч. Ч. 3. С. 15-17. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/7-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

*И я тебя забыть, единственный и милый,
Смогу лишь в вечной тьме, в безмолвии могилы.
И если б не было друзей в родном краю,
Я прервала бы жизнь постылую свою...
Как солнце ты восходил, и я, тебя утратя,
Рыдаю о тебе при солнечном закате [Там же, с. 84].*

Поэтесса говорит о тщетности бытия после смерти горячо любимого брата. Особого внимания здесь требует уподобление погибшего брата солнцу, которое в древнеарабской мифологии представлялось как одно из наиболее могущественных и грозных божеств (Шамс, от ар. شمس – «солнце»).

Таким образом, в произведениях Аль-Хансы женщина предстает не как объект восторженных лирических чувств бедуинского воина, а как верная и любящая сестра, скорбящая о своем погибшем брате, которого она считает образцовым воином и защитником родного племени, эталоном всех добродетелей.

В заключение отметим, что в доисламской поэзии образ женщины имеет несколько репрезентаций, основными из которых являются образ возлюбленной и образ сестры. Примечательным является и тот факт, что в первом случае основное внимание поэты уделяют внешней красоте девушек и таким внутренним качествам и чертам характера, как целомудрие и смелость в любви к единственному и достойному избраннику, которые проявляются в неповиновении родственникам и слушании родительских приказов; во втором же случае на первый план изображения выходят только моральные качества женщины: преданность и верность своему роду, гордость за соплеменников, самоотверженность и искренность в чувствах и эмоциях.

Список литературы

1. **Арабская поэзия средних веков.** М.: Художественная литература, 1975. 403 с.
2. **Барбар Мохаммед Абдел-Рахим.** Женщина в арабской культуре: дисс. ... к. культурологии / Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств. СПб., 2005. 208 с.
3. **Любовная лирика классических поэтов Востока** / сост. М. А. Курганцев [Электронный ресурс]. URL: <http://coollib.net/b/223967/read> (дата обращения: 29.04.2016).
4. **Сулейман Ахмед Абид Ахмед.** Человек в арабской культурной традиции и киноискусстве: дисс. ... к. культурологии. СПб., 2002. 186 с.
5. **Трофимова Е. И.** К вопросу о гендерной терминологии [Электронный ресурс] // Летняя школа «Общество и гендер». URL: <http://www.gender-cent.ryazan.ru/trofimova.htm> (дата обращения: 29.04.2016).

ARTISTIC EMBODIMENT OF WOMAN'S IMAGE IN ARABIC POETRY OF PRE-ISLAMIC PERIOD

Vodyannik Vladlena Vadimovna

Luhansk Taras Shevchenko National University, Ukraine

vlada_vodyannik@mail.ru

This article discusses the context of the artistic portrayal of the woman's image in the works of such famous Arabic poets of the pre-Islamic period as Al'-Mukhal'khal', Taa'bbata Sharran, Imru'ul'kais and Al'-Khansa. The author determines the specificity of the classic representation of female images in qasidas, muallakas and other ancient Arabic-language poetic forms, as well as conducts an artistic and semantic analysis of the interpretation of the woman's image in the works of these authors.

Key words and phrases: gender; femininity; masculinity; gender literary criticism; image; social-personal stereotype; pre-Islamic epoch.

УДК 821.112.2

В статье идет речь об одной из новелл Иоганнеса Бобровского, изображающих события периода фашизма и начала Второй мировой войны. Недоговоренность и одновременно смысловая насыщенность повествования произведения создают сложное его построение, несмотря на то что сюжет вообще отсутствует. Небольшой объем рассказа «Мышинный праздник», с одной стороны, и значительность предмета изображения – с другой, требуют от писателя полновесности каждого слова, выразительности каждого штриха. И. Бобровский не только скрупулезно отбирает детали, но и умело располагает их, соотнося друг с другом и со всем произведением в целом.

Ключевые слова и фразы: фабула; сценическая композиция; косвенная речь; сказовость; разговорная речь.

Гильфанова Гульнара Тавкильевна, к. филол. н.

*Набережночелнинский институт Казанского (Приволжского) федерального университета
gulnara_tav@mail.ru*

ИОГАННЕС БОБРОВСКИЙ: «МЫШИНЫЙ ПРАЗДНИК»

Все творчество, и в первую очередь короткие рассказы, немецкого писателя связано с единой темой вины и ответственности немцев перед народами Востока. Несколько рассказов, повествующих о событиях периода

фашизма и Второй мировой войны, имеют, бесспорно, значительную самостоятельную ценность. «Пророк», «Плясун Малиге», «Мышиный праздник», «Темно, мало света» имеют сложную внутреннюю структуру и, «подобно зеркальной поверхности, отражают горизонт его творчества: ответственность... совинность» [3, S. 57].

Вплотную к теме совинности и ответственности И. Бобровский подходит в рассказе «Мышиный праздник».

Влияние этого убедительного маленького рассказа Иоганнеса Бобровского из 1964 года в основном связано с той атмосферой повседневности первых дней войны, с тихими звуками, сопровождающими «игру света и тени». Чтобы указать на важность разворачивающихся событий в рассказе, писатель, особо ничего не выделяя, неторопливо повествует о немецком вторжении в Польшу. Так как Бобровский хотел уйти от «надуманного сюжета», то эскизное, приглушенное и обозначенное повествование едва соответствует законченному рассказу. Фабула, представленная в «Мышином празднике», фрагментарна, и, казалось бы, небольшая история о повседневной жизни имеет символическое значение.

Немецкий солдат, «совсем молодой юнец», приходит в небольшую лавочку старого еврея. Хозяин лавки предлагает гостю единственный стул, и оба наблюдают при свете месяца за тем, как играют, танцуют мыши, пытаясь разделить между собой корочку хлеба. Это почти все.

Тем не менее «скупость» поверхностного, на первый взгляд, действия произведения подразумевает многозначное и удивительное содержание. Уже начало производит впечатление нереального: читатель оказывается в пустой лавке, где единственным предметом мебели является стул. На нем сидит Мойзе Трумпетер. Впечатление абсурда, которое передает эта сценическая композиция, усиливается появлением гостей Мойзе, которые как будто занимают все пространство: солнце и луна.

Несуществующие посетители приобретают вскоре реалистический контур, так как луна, пришедшая в гости, теряет скоро свою ирреальность и становится собеседником Мойзе [6, S. 40]. Мойзе и луна, «старик и старуха» сидят рядом, ладят друг с другом, наблюдают за танцующими мышами и «радуются», идиллия кажется совершенной. Изменение, которое происходит почти незаметно и все же является основополагающим, – на сцену выходит немецкий солдат: игра, сказка внезапно заканчиваются [Ibidem, S. 41]. У И. Бобровского взаимопроникают реальное и нереальное, земное и сказочное. Он пишет зримо, а это редкий дар, признак настоящего таланта.

Два старых человека, Мойзе и луна, не замечают, что они уже не одни, причем луна упоминается лишь вскользь, а о мышах читатель узнает только в заключительном придаточном предложении. Писатель нарушает «сюжетное затишье», и напряженность входит в атмосферу рассказа с появлением одного из героев, немецкого солдата.

В этой новелле И. Бобровский создает систему своеобразных стимулов к глубоким и долгим раздумьям. Существует недоговоренность и одновременно смысловая насыщенность повествования. От роли повествователя в определенной мере зависит композиция произведения. Личная интонация является организующим началом, придает повествованию разговорность, сказовость. Большую роль играет в создании разговорной речи выбор способа повествования: от третьего или первого лица. У Бобровского эти два способа трудно разграничить, они не существуют у него в чистом виде. В «Мышином празднике» повествование ведется от первого лица и с этой точки зрения объективно. Размышления повествователя и героев так тесно переплетены, что трудно определить, где мысли рассказчика, где – старика, а где – солдата.

В немецком тексте произведения о существовании рассказчика, еще одного участника действия, читатель узнает по неопределенному местоимению «**man**» – «*Da sitzt man und sieht zu*» [2, S. 48]. И все же, сохраняя авторское право, он (рассказчик) целенаправленно дает необходимую информацию, пусть даже как бы невзначай, кратко, наивным образом. Писатель из собственного опыта знает о политической ситуации, господствующем фашистском режиме, и не видит необходимости в дальнейшем озвучивании фактов. Так, рассказчик говорит: «О чем тут еще говорить?». Бобровский дает этому объяснение: «Между фактами писателю нужно оставлять пространство, непрерывное перечисление фактов, думаю я, убивает живое повествование, есть что-то, что можно еще узнать» [4, S. 46].

Рассказчик использует свое пространство осторожно и совсем не случайно включается в ход повествования. Это происходит контурированно, без намека. Так, луна с самого начала персонифицируется, предстает реальным собеседником Мойше. Она может войти. Достоверность этой сцены ставится под сомнение, молодой немецкий солдат видит в лавке только «яркий лунный свет». Неоднозначность повествования сознательно спровоцирована: Луна вроде личность и как будто нет. Рассказчик знает о воображаемой, сказочной нереальности и признается, что существует все же независимая и серьезная сила. Фраза «так, он, должно быть, думает» [1, с. 122] объясняет осторожное поведение рассказчика, и все становится ясно и понятно: он согласен частично с точкой зрения Мойзе. Оба находятся в оккупированной Польше и воспринимают немца как человека, который пришел «извне», как солдата вермахта.

Невольные зрители «мышинного театра», Мойзе и немецкий солдат, играют определенные роли как исторические субъекты на сцене «мирового театра», роли, которые навязывают им политические обстоятельства довоенной Европы. Немец, представитель новой оккупационной власти, вошел незаметно в пустую лавочку, чтобы «взглянуть, как живут эти евреи» [Там же]. По отношению к Мойзе он не чувствует себя в роли «захватчика», наоборот, он не враждебен, а очень сдержан и корректен и не является воплощением зла. Находясь на оккупированной польской территории, вроде не совершает никаких видимых преступлений. На первый взгляд, он безобиден, «немец нестрашный». И луна высказывает свое мнение позже, он – «во всяком случае, неплохой» немец. Отношения власти выстраиваются Бобровским тонко. Писатель наделяет немца чертами типичного сына буржуа. «Молодой человек представляет собой 'посредственного' попутчика, не обязательно склонного к агрессии, становится неосознанно и эмоционально безучастной частью функционирующей машины

уничтожения» [5, S. 68]. Объективно этот немец виновен, ибо пришел на чужую землю как захватчик. По мнению луны, «теперь для нас все они одинаковые» [1, с. 123] – одинаковые, потому что осуществляют преступные планы Гитлера. Вновь придаточное предложение «Польша – здесь полностью польская», произнесенное молодым немецким солдатом, выявляет основную черту его характера, граничащую с глупой наивностью, позволяющую ему воспринимать нападение на Польшу и его пребывание здесь как приключение, как возможность изучить мир. Авантюрой является для него и случайная встреча с евреем, с представителем народа, о неполноценности которого, в силу своей идеологической «глухости», он не сомневается.

Немногословно, но убедительно показывает Бобровский, что и этот солдат прошел «школу воспитания» фашистской пропагандой, «посулами» приключений и «романтики»: «Настало время повидать мир... Сегодня мы в Польше, а потом, может быть, прогуляемся в Англию...» [Там же, с. 122-123]. В рассказе нет ни слова ни о концлагерях, ни о еврейских гетто, ни о руинах Варшавы, но все это приходит на ум, когда в конце рассказа один из невидимых персонажей задает вопрос: «Если они заберут всю Польшу, что будет тогда с твоим народом?» [Там же, с. 123].

В политической реальности, после захвата нацистами территории Польши осенью 1939 года, Мойзе достается роль преследуемого еврея, роль более слабого, того, который уже все потерял. То, как опытный и мудрый Мойзе Трумпетер ведет себя на протяжении всего действия, придает действенности, убедительности рассказу И. Бобровского. Он не проявляет враждебности по отношению к «незваному гостю», больше того, спокойно и уверенно определяет ход их встречи и занимает принципиальную позицию: «У Мойзе хорошие глаза, он видит: молодой человек, вроде как школьник, который, собственно, еще не знает, чего он здесь хочет...» [Там же, с. 122]. Великодушный хозяин небольшой лавочки вовлекает молодого немца в необычную «актерскую игру» благодаря использованию косвенной речи («ты видишь»). Перед читателем предстает полная иллюзия идиллии, которую создает Мойзе, применяя почти авторитарное, разговорное выражение «теперь прощу потише», в немецком тексте – «Jetzt sind *Se* mal ganz still», где «Вы» – *Se* вместо *Sie* [2, S. 48].

Доброжелательная мудрость старика, его достоинство и молодое неосознанное равнодушие врага в лице немецкого солдата «сталкиваются» друг с другом, олицетворяя силы добра, гуманности и зла. В этой ситуации он приглашает своего гостя в собственный (абстрактный) мир, который он представляет суверенно. Превосходство Мойзе над немцем – морально-личное превосходство, не засчитывающееся в политической реальности. Интерлюдия с немцем ни в коем случае не мирная, как это сначала кажется. В этой встрече двух «врагов» имеют значение не возраст, не сильные или слабые черты человеческого характера, а реальный баланс политических сил, и это позволяет немцу держать долгосрочное превосходство.

Эту трагическую безысходность осознает Мойзе, об этом говорит его воображаемая собеседница – луна. Представление, танец мышей, становится демонстрацией праздника жизни перед лицом неминуемой смерти и разрушения. Невесомость танца, его меланхоличное звучание являются при этом символом свободы и особого достоинства. Мойзе настаивает, что в реалиях военной повседневности все же есть и радость, и жизнь, которые выражаются здесь в танце мышей. Непоколебимая вера в человечность, связанная с этой, отвлеченной от реальности, картиной мышинного танца, представляет резкий контраст между еврейско-европейской культурой и национал-социалистическими замыслами по уничтожению целых народов.

Автор новеллы говорит о равноправии людей различных национальностей и необходимости осмысления уроков прошлого. Гитлеровский фашизм разрушил «хрупкое» состояние мира, нанес огромный ущерб не только народам Европы, но и немецкой нации.

Список литературы

1. **Бобровский И.** Избранное. М.: Молодая гвардия, 1971. 447 с.
2. **Bobrowski J.** Gesammelte Werke: in 6 Bänden. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1987. Bd. 4. Die Erzählungen. Vermischte Prosa und Selbstzeugnisse. 598 S.
3. **Bobrowski J.** Selbstzeugnisse und Beiträge über sein Werk. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1974. 302 S.
4. **Bobrowski J.** Vom Hausrecht des Autors // Johannes Bobrowski: Selbstzeugnisse und Beiträge über sein Werk. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1976. S. 42-46.
5. **Dehn M., Dehn W.** Johannes Bobrowski. Prosa (Interpretationen zum Deutschunterricht). München: R. Oldenbourg Verlag, 1972. 101 S.
6. **Rothbauer G.** Idilly im Chaos. Bobrowski liest seine Erzählung «Mäusefest» // Neue Deutsche Literatur. Berlin: Rütten & Loening Verlag, 1975. H. 9.

JOHANNES BOBROWSKI: MICE'S HOLIDAY

Gil'fanova Gul'nara Tavkil'evna, Ph. D. in Philology
Naberezhnye Chelny Institute of Kazan Federal University
gulnara_tav@mail.ru

The article deals with the one of the J. Bobrowski's short stories depicting events of the fascism period and the beginning of the Second World War. The reticence and at the same time semantic richness of the narrative of the story create its complex composition, despite the fact that the plot is absent. A small volume of the story "Mice's holiday" on the one hand, and the significance of the subject, on the other hand, demand from the writer a full weight of each word, the expression of each line. J. Bobrowski does not only carefully selects the details, but also skillfully arranges them, correlating with each other and with the whole work in general.

Key words and phrases: story, stage composition, indirect speech, fairy tale nature, oral speech.